

УДК 343.119
DOI 10.17223/22253513/16/12

М.К. Свиридов

УСТРАНЕНИЕ СУДОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Следственные ошибки способны затруднить судебную деятельность, а подчас повлечь вынесение судом ошибочного приговора. Уголовно-процессуальный закон создаёт механизм, способный предотвратить следственные ошибки или, если они допущены, устранить их. Значительная роль в такой деятельности отводится суду. В статье анализируются полномочия, предоставленные суду для исправления следственных ошибок, и обосновывается вывод о том, что имеющихся у суда в настоящее время таких полномочий недостаточно. Предлагаемые в статье дополнительные полномочия формулируются с учётом специфики положения суда как органа, осуществляющего правосудие.

Ключевые слова: следственная ошибка, фактическая фабула обвинения, пределы судебного разбирательства, дополнительное расследование.

Спецификой судебной деятельности в уголовном процессе является то, что суд сам не собирает доказательства. Все доказательства, а также предварительные выводы-предложения суд получает от следователя и прокурора. Наличие в представленном суду уголовном деле ошибки способно затруднить деятельность суда, а подчас повлечь вынесение неправомерного приговора. УПК РФ создал механизм, направленный на предотвращение следственных ошибок или их устранение, если они допущены. В него входит деятельность начальника следственного органа, прокурора, а также суда. Несмотря на наличие такого довольно мощного механизма, следственные ошибки встречаются. Их наличие и причины исследуются в литературе [1. С. 50–154]. Одной из причин является недостаточно эффективная деятельность указанных должностных лиц. Затрудняет выявление и устранение следственных ошибок и несовершенство закона. Ю.К. Якимович утверждает, что в связи с последними изменениями закона «около 80% уголовных дел судами первой инстанции не рассматриваются, а лишь разрешаются» [2. С. 107]. Поскольку по таким делам, как предусматривает УПК РФ, судебное следствие не проводится, суд не может полноценно проверить качество следствия и обнаружить ошибку, если она имеется, и устранить её.

Ранее отмечалось, что судебная деятельность входит в систему механизма предотвращения, обнаружения и исправления следственных ошибок. Такая деятельность неоднородна, она включает три вида: судебный контроль за предварительным расследованием, стадию подготовки к судебному заседанию, судебное разбирательство. В силу специфики положения суда судебный контроль за расследованием ограничен в обнаружении следственных ошибок – не каждая жалоба на действия и решения следователя может быть рассмотрена судом (ст. 125 УПК РФ). Имеются ограничения и в стадии подготовки дела к судебному заседанию: здесь в основном обна-

руживаются нарушения процессуального и уголовного закона (ст. 236–237 УПК РФ). Фактическое содержание дела в этом случае, как правило, не исследуется и ошибки фактического характера не обнаруживаются и не устраняются. Наиболее полные возможности для обнаружения и устранения следственных ошибок должно иметь судебное разбирательство, где судом с участием сторон исследуются все материалы уголовного дела. Однако закрепленная УПК РФ модель судебного разбирательства всех необходимых полномочий суду не предоставляет, в связи с чем в деятельности суда по устранению следственных ошибок встречается много затруднений. Объясняется это в значительной мере тем, что в статусе суда оказались смешанными элементы публичного и состязательного типов уголовного процесса. Мера же активности суда в доказывании в том и другом типе процесса различна.

Суд встречается с двумя видами следственных ошибок: нарушением законов – уголовно-процессуального и уголовного, а также с неправильным установлением фактических обстоятельств совершенного преступления (чаще всего с неполнотой их установления). Что касается ошибок первого вида, то УПК РФ наделил суд широкими полномочиями для их устранения: суд устраняет их либо сам, либо для устранения направляет уголовное дело прокурору. Возможности суда в исправлении ошибочного применения законов значительно расширил Конституционный Суд РФ, который постановлением от 2 июля 2013 г. № 16-П разрешил судам возвращать дело прокурору при наличии к тому оснований для переквалификации на более тяжкий уголовный закон. Несомненно, в деятельности суда по устранению допущенных следователем ошибок в применении законов встречаются сложные ситуации. Но, как думается, они разрешимы в рамках действующего УПК РФ.

Совершенно иное положение создается в ситуациях, когда приходится устранять ошибки фактического характера. Здесь суд имеет гораздо меньше возможностей, во многом он связан тем, что ему предоставили следователь и прокурор.

В УПК РФ имеется ст. 252, определяющая пределы судебного разбирательства, которое проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению; изменение обвинения судом допустимо, если не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Фактическая фабула является составной частью обвинения. Следовательно, суд при обнаружении ошибки в фактической фабуле может только «смягчить» её. Если же суд обнаружит фактическую ошибку, устранение которой ухудшит положение осужденного (например, неполное установление всех фактов совершенного преступления), он не может ни самостоятельно её исправить, ни направить для исправления дело прокурору.

Таково содержание действующей ст. 252 УПК РФ. Причем эта статья вполне соответствует решению Конституционного Суда РФ, который неоднократно формулировал правило о том, что суд не вправе возвращать дело прокурору, если устранение обнаруженной судом ошибки требует выполнения неполноты проведенного расследования.

Как видно, приведенные правила ограничивают возможности суда в исправлении фактических следственных ошибок. В рамках действующих

положений у суда остается следующий выход: либо положить в основу обвинительного приговора предложенную следователем и прокурором фактическую фабулу, хотя суд считает, что в ней есть ошибка, либо, используя презумпцию невиновности, вынести оправдательный приговор в связи с недостатком доказательств для достоверного установления факта совершения преступления, хотя суд не исключает совершение преступления именно этим осужденным. Представляется, что оба выхода нельзя признать правильными, хотя они и находятся в соответствии со ст. 252 УПК РФ. Здесь, как думается, можно обнаружить в определенной мере навязывание суду решений следователя и прокурора.

Имеющиеся в УПК РФ и в решениях Конституционного Суда РФ ограничения суда в исправлении следственных ошибок не соответствуют назначению суда как органа правосудия. И в Конституции РФ, и в УПК РФ закреплено: правосудие в РФ осуществляется только судом. Статья 297 УПК РФ предписывает, чтобы приговор был законным, обоснованным и справедливым. Это требование обращено к суду, поскольку только суд может вынести приговор. Следовательно, только суд несет полную ответственность за качество приговора, его истинность, справедливость. Но это будет выполнимо, если суд будет иметь возможность совершать самостоятельно все действия, которые он считает необходимыми для формирования приговора, причем действовать, исходя только из своего внутреннего убеждения, без малейшего навязывания чьей-либо посторонней воли. Такое положение должно распространяться на деятельность суда по исправлению всякого рода следственных ошибок, в том числе и касающихся фактической стороны дела.

Исследования показывают, что большую долю таких ошибок составляет недостаточность доказательств для того, чтобы достоверно установить факт совершения преступления, т.е. неполнота проведенного расследования [1. С. 55–56]. Как уже отмечалось, и УПК РФ, и Конституционный Суд не разрешают суду самостоятельно возвращать дело прокурору для восполнения неполноты доказательств. Ряд авторов поддерживают такую позицию.

Думается, что имеются основания для противоположного мнения.

Невозможность исправления фактических ошибок действиями суда суть проявления состязательного типа уголовного процесса. Основная задача такого процесса – разрешить спор сторон, при этом суд не вправе проявлять активность в формировании доказательственной базы, он «должен быть связан требованиями сторон и только в их пределах рассматривать и разрешать уголовное дело» [3. С. 102]. Приведенное правило – а оно является одним из основных положений состязательного типа процесса – делает суд пассивным, полностью ставит его в зависимость от воли сторон, тем самым фактически устраняя закрепленный в Конституции РФ принцип независимости суда. От находящегося в таком положении суда нельзя требовать ответственности за обоснованность и справедливость вынесенного им приговора (он действовал в предписанных сторонами пределах, каждая из которых исходит только из своих интересов). Все это в конечном итоге делает невозможным выполнение закрепленного ст. 6 УПК РФ назначения уголовного процесса (его задач).

Так, в ряде случаев может оказаться невыполнимым требование УПК РФ о том, чтобы приговор был обоснованным и справедливым. В состязательном процессе действует, как писал И.Л. Петрухин, правило: «при неполноте и односторонности предварительного расследования дело для доследования не направлять, а выносить оправдательный приговор» [4. С. 103–104]. И так суд обязан поступать, даже если у судей имеются серьезные сомнения в невинности оправдываемого подсудимого. Разрешить же сомнения самостоятельно, без ходатайства сторон, суд не может. В такой ситуации совсем не исключено, что будет оправдан и уйдет от ответственности подсудимый, совершивший преступление (и, что примечательно, не в связи с его непричастностью к преступлению, а потому, что плохо работающие следователь и прокурор не представили достаточно доказательств, а суд восполнить их недостаток не мог в силу запрета).

Исследования показывают, что судьи осознают неблагоприятные последствия такой ситуации, поэтому они стараются избегать вынесения оправдательных приговоров при недостатке доказательств, самостоятельно изыскивая те или иные способы их восполнения, нередко законом не предусмотренные. К.А. Трифонова и Е.А. Зайцева правильно отмечают, что «проблема неполноты и односторонности расследования как основания возвращения дела прокурору до сих пор остается нерешенной, так как *de facto* неполнота расследования существует, а *de jure* отсутствует» [5. С. 126].

Таким образом, недопустимость активности суда по восполнению недостающих доказательств не обеспечивает выполнение в полном объеме требования УПК РФ о том, чтобы приговоры были обоснованными и справедливыми, что способно отрицательно отразиться на качестве правосудия по уголовным делам.

Отсутствие активности суда при восполнении доказательственной базы влечет и другое неблагоприятное последствие – создает почву для нарушения прав потерпевших от преступления. Охрана прав и законных интересов потерпевших входит в назначение уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ). Если же, как рекомендует И.Л. Петрухин (а он не одинок), при недостатке доказательств суд должен выносить оправдательный приговор, даже не пытаясь получить дополнительные доказательства, то потерпевший от преступления неизбежно останется без судебной защиты. И это осознается рядом авторов, которые, однако, вносят предложения, никак не улучшающие ситуацию. Так, О.Я. Баев пишет: «Мы отдаем себе отчет в том, что отсутствие в УПК РФ института возвращения судами уголовных дел для производства доследования в определенной мере может привести к ущемлению законных интересов потерпевших. В этих случаях, убеждены мы, вся правоприменительная деятельность в области уголовной юстиции должна следовать, подчиняться (даже, увы, может быть, в ущерб интересам потерпевшего) выстраданной веками правовой догме: «лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невинного» [6. С. 28].

Думается, что нельзя принимать предлагаемое в качестве общего правила, особенно тогда, когда неполнота доказательств явилась следствием плохой работы следователя (О.Я. Баев распространяет предлагаемое правило и на такую ситуацию). Выносить оправдательный приговор в связи с не-

достатком доказательств допустимо лишь в одном случае – если исчерпаны все возможные в рамках закона средства их восполнения, но результат не достигнут. Пока такие средства не исчерпаны, суд обязан принимать все меры для установления полной картины происшедшего путем получения недостающих доказательств. К тому же, если суд, исчерпав все средства, все же не достиг полноты доказательств, то он должен вынести оправдательный приговор по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 Кодекса, а также в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (других оснований для вынесения оправдательного приговора при неполноте доказательств закон не предусматривает). Но тогда согласно ч. 3 ст. 306 УПК РФ суд не заканчивает производство, а, вынося оправдательный приговор в отношении конкретного лица, «решает вопрос о направлении руководителю следственного органа или начальнику органа дознания уголовного дела для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого». Фактически это можно признать возвращением дела на доследование.

Представляется, что целесообразно закрепить в УПК РФ уже существующий *de facto* институт возвращения на доследование в полном объеме. Законодатель идет в этом направлении, закрепляя анализируемый институт по частям. Наблюдается смягчение позиции к институту возвращения дела и со стороны Конституционного Суда РФ. С некоторой долей преувеличения об этом пишет В.В. Конин: «В настоящее время в связи с изменениями, внесенными в УПК РФ, институт дополнительного расследования фактически возрожден в полном объеме» [7. С. 25]. А.В. Победкин правильно считает, что «пора прекратить дискуссии относительно соответствия принципу состязательности права суда возвращать уголовное дело для дополнительного расследования с целью устранения неполноты предварительного расследования, которая не может быть восполнена в судебном заседании» [8. С. 109].

Однако у анализируемого института достаточно много и противников. Применяемые ими аргументы целесообразно проанализировать.

Основной аргумент, повторяемый многими авторами, следующий: возвращение дела на доследование противоречит состязательности, так как втягивает суд в обвинительную деятельность, в связи с чем суд теряет объективность и начинает проявлять обвинительный уклон. Как пишет Е.В. Ежова, «предоставляя прокурору и органам предварительного расследования устранять нарушения, связанные с неполнотой предварительного расследования, суд реализует функцию уголовного преследования, так как его действия здесь направлены на устранение недостатков деятельности прежде всего участников стороны обвинения» [9. С. 103].

Думается, что данный аргумент не является столь убедительным, чтобы отвергать институт возвращения дел на доследование. Опасения в том, что суд в такой ситуации превращается в орган обвинения, явно преувеличены.

Во-первых, суд в силу своего положения никогда не бывает абсолютно нейтральным по отношению к сторонам. Он в досудебном производстве разрешает целый ряд вопросов, касающихся работы следователя; в судебном разбирательстве разрешает ходатайства сторон; постановляя обвини-

тельный или оправдательный приговор, он отдает предпочтение позиции той или иной стороны. Но все это совсем не означает, что суд начинает выполнять обвинительную или защитительную функцию.

Далее, трудно согласиться с Е.В. Ежовой в том, что если действия суда направлены на устранение недостатков стороны обвинения, то суд начинает выполнять обвинительную функцию. Действительно, так может произойти, но лишь тогда, когда суд сам будет исправлять недостаток обвинения. Здесь он заменит сторону обвинения, что, конечно, недопустимо. Но этого не произойдет, если суд заставит исправлять недостаток сторону обвинения. Здесь суд не будет подменять обвинителя или действовать вместе с ним. Требуя от обвинителя исправить допущенную им ошибку, суд тем самым будет побуждать сторону обвинения к доброкачественной работе. Такая деятельность будет вполне соответствовать положению суда, не исказит его сущность, она типична для суда, без нее суд обойтись не может. Суд должен вынести обоснованный и справедливый приговор. Для этого ему необходимо уяснить всю картину совершенного преступления. Если представленных сторонами доказательств достаточно, то суд выносит приговор. Если же картина совершенного преступления в чем-то неясна суду, он вынести приговор не может и должен принять меры к устранению пробелов. Для этого он обращается к сторонам (чаще всего к обвинителю) с требованием представить дополнительные доказательства. И такое обращение не означает выполнение судом какой-либо иной функции, оно необходимо не для оказания помощи какой-либо стороне, а для уяснения судом полной картины преступления, без чего невозможно вынесение приговора.

Оригинальное решение вопроса о восполнении неполноты доказательств содержится в УПК Украины. В ст. 333 Кодекса закреплено: если во время судебного разбирательства возникнет необходимость в установлении или проверке обстоятельств, суд откладывает разбирательство и по ходатайству стороны уголовного производства вправе поручить органу досудебного расследования провести определенные следственные (розыскные) действия. В постановлении суд указывает, какие обстоятельства должны быть выяснены или проверены, а также какими следственными (розыскными) действиями это должно быть достигнуто.

Закрепленное в УПК Украины правило, как представляется, имеет положительные моменты. Во-первых, встретив неполноту доказательств, суд обязан принять меры к ее устранению (аналогичного правила в УПК РФ нет, и, как показано выше, некоторые авторы предлагают при неполноте не устранять ее, а выносить оправдательный приговор). Во-вторых, при неполноте суд откладывает судебное заседание, а не возвращает дело прокурору и следователю. Этим самым предотвращается возможность прекращения следователем возвращенного ему дела; судьбу дела после восполнения неполноты будет решать суд, что представляется более предпочтительным.

Однако анализируемое правило имеет, как думается, и негативный момент: суд определяет перечень следственных и оперативных действий, с помощью которых следователь должен устранить неполноту. Определяя такой перечень, суд фактически начинает работать вместе со следователем,

становится в этой части его руководителем, что явно повлечет потерю судом объективности. Несомненно, такое правило не следует заимствовать. Суд не должен быть втянут в совершение конкретных действий по получению новых доказательств. Его задача должна ограничиваться только указанием прокурору и следователю того обстоятельства, которое, по мнению суда, не установлено либо установлено не в полной мере, и требованием установить его в полном объеме. Средства же получения дополнительных доказательств будут определяться прокурором и следователем.

Таким образом, следует признать, что суд как разрешающий уголовное дело орган должен иметь все возможности для исправления любых ошибок следователя, которые встречаются в уголовном деле и осложняют вынесение приговора. Правильно пишет Л.В. Головкин о том, что «нельзя ставить перед профессиональным судом функциональные задачи по разрешению строго сформулированных в законе вопросов уголовного (материального) права и не предоставлять ему необходимых процессуальных средств для их выполнения» [10. С. 84–85]. Что касается исправления ошибок в применении следователем уголовно-процессуального и уголовного законов, после внесения в УПК РФ поправок полномочий суда здесь в целом достаточно. Для исправления же следственных ошибок в установлении фактов, как показывает исследование, судебных полномочий явно мало. УПК РФ не предоставляет суду возможности принять все необходимые меры к восполнению недостающих доказательств. Такое право у суда должно быть, так как без этого суд не сможет установить в полном объеме все требуемые обстоятельства и вынести справедливый приговор. Однако получать недостающие доказательства суд должен не сам, а действиями сторон, побуждая их к этому. В такой ситуации суд объективность не потеряет и будет способен осуществлять правосудие.

Литература

1. Назаров А.Д. Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и её причины. М.: Юрлитинформ, 2014. 248 с.
2. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2014. № 2 (12). С. 105–110.
3. Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98–103.
4. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М.: Проспект, 2009. 138 с.
5. Трифонова К.А., Зайцева Е.А. Правовой институт возвращения уголовного дела на исследование: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2014. 224 с.
6. Баев О.Я. Законопроект «Об объективной истине в уголовном судопроизводстве» и возможные последствия его принятия // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 19–32.
7. Кони В.В. Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования: прошлое и настоящее // Адвокат. 2012. № 9. С. 21–27.
8. Победкин А.В. Уголовный процесс: состояние вне права. М.: Юрлитинформ, 2013. 248 с.
9. Ежова Е.В. Роль суда в установлении истины по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 99–104.
10. Головкин Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 65–87.

Sviridov Mikhail K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI 10.17223/22253513/16/12.

ELIMINATION OF INVESTIGATIVE ERRORS IN THE COURSE OF A TRIAL

Key words: investigative error, factual prosecutor's theory, limits of a trial, additional investigation.

The specificity of adjudication in criminal cases can be explained by the fact that all evidence, proposals and conclusions are presented by investigators and prosecutors. Thus, any investigative error can result in some difficulties in the activity of courts and wrongful sentencing. The Criminal Procedural Code of the Russian Federation has created a special mechanism to prevent investigative errors and eliminate them in case they were made. However, legal regulation of the above mechanism is not a complete one e.g. the activity of courts in eliminating investigative errors has not been regulated to the full extent. In order to eliminate the investigative violations of criminal procedural and criminal law, a court is empowered either to correct errors itself or to refer them to a prosecutor for correcting. However, the court does not have enough possibilities to eliminate the factual investigative errors: it cannot obtain new evidence. Moreover, the Constitutional Court of the Russian Federation prohibits referring the case to a prosecutor to fill the shortage of evidence.

The activity of court under the shortage of evidence can result in wrong sentencing (acquittal of a guilty person and, hence, the violation of the right of an injured party to judicial protection). Since, it is up to the court to sentence and it is the court that is liable for the quality of a sentence, it must have all necessary remedies for correcting mistakes in the criminal case including the factual ones.

However, taking into account the specificity of the court as a judicial body, it won't be right for it to collect missing evidence by its own, since doing that, it will inevitably support one of the parties to a trial and, consequently, won't be impartial. It is preferable to grant the court with the right to appoint the parties (more often a prosecutor) to collect evidence and submit the missing evidence to it. Doing that, the court should not point out the ways for obtaining new evidence; it should only stress the unas-
certained circumstance. It is an investigator who determines the means for a complete ascertainment of a circumstance. Thus, the court remains impartial and is able to try criminal cases.

References

1. Nazarov, A.D. (2014) *Fenomen oshibki v ugovnom sudoproizvodstve i ee prichiny*. [The phenomenon of an error in criminal proceedings and its reasons] Moscow: Yurлитinform.
2. Yakimovich, Yu.K. (2014) Differentiation of the criminal proceedings should have reasonable limits and should not lead to simplification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (12). pp. 105-110. (In Russian).
3. Dikarev, I.S. 2013. Ugovolnyy protsess: "tikhaya revolyutsiya" smenilas' reaktivnoy reaktsiey [Criminal proceedings: the "quiet revolution" gave way to reaction]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Science Journal of Volgograd State University*. 3 (5) pp. 98-103.
4. Petrukhin, I.L. (2009) *Opravdatel'nyy prigovor i pravo na reabilitatsiyu*. [The judgement of acquittal and the right for vindication] Moscow: Prospekt.
5. Trifonova, K.A. & Zaytseva, E.A. (2014) *Pravovoy institut vozvrashcheniya ugovnogo dela na dosledovanie : problemy teorii i praktiki*. [The legal institute of returning the criminal case for further investigation: problems of theory and practice]. Moscow: Yurлитinform.
6. Baev, O.Ya. (2012) Zakonoproekt "Ob ob"ektivnoy istine v ugovnom sudoproizvodstve" i vozmozhnye posledstviya ego prinyatiya [The Bill "On objective truth in criminal proceedings" and the consequences of its adoption]. *Biblioteka kriminalista*. 4(5). pp. 19-32.
7. Konin, V.V. (2012) Institut vozvrashcheniya ugovolnykh del dlya proizvodstva dopolnitelnogo rassledovaniya: proshloe i nastoyashchee [The institute of the returning of criminal cases for further investigation: the past and present]. *Advocate*. 9. pp. 21-27.
8. Pobedkin, A.V. (2013) *Ugovolnyy protsess: sostoyanie vne prava*. [Criminal proceedings: status out of law]. Moscow: Yurлитinform.
9. Ezhova, E.V. (2012) Rol' suda v ustanovlenii istiny po ugovnomu delu [The role of the court in ascertainment of the truth in a criminal case]. *Biblioteka kriminalista*. 4 (5). pp. 99-104.
10. Golovko, L.V. (2012) Teoreticheskie osnovy modernizatsii ucheniya o material'noy istine v ugovnom protsesse. [The basic theory of modernization of the doctrine of material truth in a criminal proceeding]. *Biblioteka kriminalista*. 4(5). pp. 65-87.